

Прежде чем начать писать эти воспоминания о Владимире Васильеве Половинкине, я сходил к дому, где долгое время жил поэт, и поклонился мемориальной доске, установленной городом в честь своего достойного жителя, гражданина, товарища (последнее определение всегда было более дорого сердцу поэта). Поклонился доске, установленной, вне всяких сомнений, заслуженно.

Для того, чтобы это случилось, несколько общественных организаций, в том числе и Нижегородская областная организация Союза писателей России, которую Владимир Васильевич возглавлял с 1990 по 2002 год, обратились к властям Нижнего Новгорода с ходатайствами, которые, к счастью, были удовлетворены. В своём письме на имя главы администрации я подчёркивал, что «Владимир Васильевич долгие годы возглавлял Нижегородскую писательскую организацию, и вклад его в культурное развитие Нижнего Новгорода несомненен. Установление мемориальной доски послужило бы укреплению патриотических чувств нижегородцев, воспитанию уважительного отношения молодёжи к культурному наследию нашего города».

Так в очередной раз в нашей жизни восторжествовала справедливость.

Первой книгой Владимира Половинкина, которая попала мне в руки, был сборник стихов «Стремнина», который вышел в юбилейный для поэта год – 1976-й. Тогда ему исполнилось пятьдесят лет – самый расцвет жизненных и творческих сил! Я только что вернулся со службы в рядах Советской армии, где буквально «заразился» сочинительством, писательством после того, как познал волнительные чувства первых публикаций в армейской газете. И потому магазины, которые я сразу же посетил в родном городе (тогда он назывался Горький – как же странно и несуразно теперь это звучит), были книжные. А в них, кроме всего прочего, продавалась и эта книга – в твёрдом ламинированном переплёте, обложку которой украшал удивительно лирический по своему настроению рисунок. На нём был изображён уходящий куда-то вдаль по неведомой реке катер, за которым по воде оставался радостно-переливающийся след.

Теперь-то я могу сказать, что, на мой взгляд, есть в этом рисунке скрытая символика, о которой художник, скорее всего, и сам не догадывался. Но ведь точно так же как катер, проходящий по речной глади, оставляет свой беспокойный след на воде, так и человек, проживающий свою жизнь, оставляет по себе в памяти знавших его – след- некое чувство. И изображённый кораблик, и мы, люди, уходим куда-то в неведомое, дальнее. И только мерцающий след в виде добрых (или не очень) дел, стихи, книги – это есть оправдание нашего пребывания на земле.

Мы не были с Половинкиным уж очень близки – слишком велика разница в возрасте. Но между нами случались хорошие, товарищеские разговоры. Особенно после того, когда Владимир Васильевич по моему предложению вошёл в общественно-редакционный совет альманаха

«Вертикаль» и передал для публикации в нём свой, как оказалось, последний лирический очерк «В тени возле радости». После того, как очерк вышел, Владимир Васильевич несколько раз просил передать ему дополнительное количество книжек альманаха, чтобы подарить их своим землякам. Так ему была дорога эта работа – посвящённая, в том числе, и воспоминаниям детства.

В наших разговорах не раз Половинкин возвращался к теме непростой новейшей истории советского Отечества, вспоминал о судьбе отца, репрессированного в конце тридцатых годов прошлого века, когда семья жила в городе Павлово. Тогда мать вынуждена была их с сестрой увезти к бабушке в село. (Отца освободили и реабилитировали в 1939 году, и после этого семья переехала жить и работать в Горький. В 1943 году Василий Половинкин погиб на фронте). Но вспоминал и о том, как во время войны поступил в институт инженеров водного транспорта – руководство страны и в самые тяжёлые испытания думало о будущем, готовило кадры для производства, науки, культуры, образования. И потому у молодого поэта, думаю совершенно искренне, в стихотворении «В степях», в котором он вспоминает рассказ отца о налетевшем суховее, уничтожившем труд многих людей («Он видел лица, тёмные от горя, / Сухие воспалённые глаза. / У ног крестьян поникшая пшеница / Роняла зёрна сморщенные в пыль... / Мне было трудно с мыслью примириться, / Что мой отец рассказывает быль») написались такие строки, которые должны были утвердить читателя в мысли, что советские люди всё преодолеют, выстоят и построят новую счастливую жизнь:

*Сегодня мне в народе рассказали,
Что видел кто-то (кто – утерян след),
Как степью проходил товарищ Сталин,
В косоворотку русскую одет.
Шёл медленно просёлочной дорогой.
Над степью плыл тяжёлый мутный зной.
А он задумчиво колосья трогал
И на ладони взвешивал порой.*

*Быть может, и легенда...
Люди знали,
С лопатами весною выходя,
Что план им начертал товарищ Сталин,
Что в нём забота мудрого вождя...*

*(«Волжские огни». Юношеский альманах.
Горьковское областное государственное
издательство, 1951)*

А когда умер вождь, благодаря которому (в этом была убеждена подавляющая часть населения страны) СССР победил в самой страшной, безжалостной, кровопролитной войне за всю историю человечества, молодой поэт написал пронизанное опять же искренней горечью стихотворение «Сталин бессмертен!», которое в 1953 году опубликовал всё тот же альманах «Волжские огни». Видимо, не таил Владимир Васильевич тогда на власть обиды, хоть та и не всегда поступала с их семьёй справедливо и милосердно. Я приведу здесь отрывок из этого стихотворения:

*Запомнится это утро:
Отчизна в великой печали, –
Скончался
из мудрых мудрый,
Наш вождь
и учитель –
Сталин.*

Как тяжко,
как трудно поверить,
Что сердце его
остыло...
Какою мерой измерить
Всей скорби народной силу?..
Знамёна с каймою чёрной,
Слёзы в глазах прохожих.
А сердце стучит упорно:
Нет,
он умереть
не может!
Все трудности
с ним побеждали,
Идя по путям заветным.
Бессмертен
великий
Сталин,
Как дело его бессмертно.
Плывут в весенние дали
Мелодии скорбных маршей.
Скончался
товарищ
Сталин...
Но с нами партия наша!..

Я об этом, прощальном со Сталиным стихотворении, узнал случайно. Мне рассказал о нём один наш нижегородский поэт, который принёс Владимиру Васильевичу старый альманах, найденный в книжном шкафу в местной писательской организации, и показал автору давнишнюю публикацию. Половинкин вырвал листок со стихотворением из книги.

Не знаю, зачем Владимир Васильевич это сделал. Либо он не хотел, чтобы что-то напоминало о прошлом. Либо наступившие либеральные времена по своей нетерпимости к инакомыслию мало чем отличались от критикуемых их представителями 30-х годов прошлого века. А ведь это, большей частью, были потомки тех, кто и создавал так ненавидимый ими «культ личности» в те, давние уже сейчас, годы. Тогда выходит, что властителей «новых дум» следует опасаться так же, как и следователей НКВД Сталина. Я не знаю, чем руководствовался Владимир Васильевич, уничтожая своё стихотворение. Могу лишь только догадываться: прошло время, оценки истории в очередной раз изменились, и поэт, сполна переживший все тяготы и искушения прошлых лет, не захотел напоминать кому бы то ни было о собственном прошлом. Во всяком случае, он более никогда не был замечен ни в симпатии к вождю, ни в причастности к созданию стихов с политическим оттенком. Пережитое после разоблачения «культа личности» научило его осторожности. Потому даже во времена «перестройки и гласности», а затем и «победы демократии», когда, я уверен, всё происходящее было против совести Половинкина, он молчал. Хотя и огульное охаивание истории страны, и беспринципность и цинизм новых политиков, и воцарившаяся в стране вопиющая социальная несправедливость, и безжалостное, наглое ограбление людей, которые в одночасье остались без своих накоплений, зарплат, пенсий, и унижение всего достойного, честного в науке, производстве, искусстве, культуре – всё это, смею так думать, вряд ли было ему по нраву. Но даже в эти времена Владимир Васильевич оставался внешне выдержанным, внешне спокойным и уравновешенным.

Лишь один раз я видел его раздражённым. Это произошло на моих глазах. Тогда в разговоре с Константином Даниловичем Проиминим, который всецело принял установившиеся новые порядки, Владимир

Васильевич ответил на очередные утверждения друга, повысив голос. И я понял, что он остался преданным идеалам социальной (думаю, что социалистической) справедливости.

Уверен, все, кто вспоминает Владимира Васильевича, обязательно отмечает его врождённую интеллигентность, мягкость, внимательность к ближним. Он был замечательным собеседником и рассказчиком. Великолепно читал свои стихи и стихи своих товарищей.

И выходило это у него не артистично, а очень естественно, просто, органично. Будто вовсе и не стихи Половинкин читал, а рассказывал слушателям какую-то интересную жизненную историю. Оттого и действовало происходящее на аудиторию завораживающе. И не важно, какова в количественном составе эта аудитория – пять или пятьсот человек. Результат, эффект от прочитанных стихов всегда был предсказуемо одинаков – благодарность и полное доверие к автору.

Мне всегда хотелось назвать поэзию Владимира Васильевича бытовой, беллетристической (ну, отчасти, производственной), и в этом определении нет никакого снисхождения к его стихам или их унижения. Я так определяю жанр его произведений, потому что в них сюжетно многое взято непосредственно из жизни – из увиденного, услышанного, подмеченного, рассказанного другими. Это как бы хорошо зарифмованные житейские истории, которые самими нами много раз переживались, свидетелями которых мы и сами становились, да вот так просто и проникновенно донести до читателей или слушателей не могли. Это, большей частью, рассказы с сюжетом, повествовательной фабулой, характеристиками героев. Оттого их так захватывающе интересно читать.

Ну, вот, посудите сами.

*Шёл поздней ночью улицей знакомой.
Увидел дом, где прожил много лет.
Горел в моём окошке у балкона
Настольной лампы притенённый свет.
И кто-то встал, размял устало плечи
И посмотрел в раздумьи туда,
Где между крыши всплывала каждый вечер
Трепещущая синяя звезда.
Моя звезда!.. Как часто был когда-то
В уснувшем мире с ней наедине.
И с болью вдруг почувствовал утрату:
Она всё так же светит, но не мне.*

Ведь в этом стихотворении всё от хорошей прозы – пережитое чувство героя, его биография. А подспудно мы понимаем, чувствуем, что в этой старой квартире столько всего происходило, что теперь так тронуло душу рассказчика. Но и новый житель строит в ней тоже свою судьбу, свою жизнь, свою биографию. И он мечтает, может быть, любит, или только желает обрести это чувство. Какая здесь полифония неназванных напрямую переживаний, мечтаний, воспоминаний. И всё очень просто, ясно, зримо.

На стихи Владимира Половинкина нижегородские композиторы писали музыку, создавали песни. И их, я уверен, привлекала в его поэзии всё та же искренность чувств.

Как-то мы сидели рядом с Владимиром Васильевичем на торжестве в Литературном музее. Перед этим он подарил свою книгу избранных стихов «Огни на волжском берегу». Я не удержался, и пока шли выступления, начал её читать. И очень скоро натолкнулся на стихотворение «Соловьиный рай», которое меня очень тронуло. Произведение посвящалось Миле.

*Ах, как в ту ночь распелись соловьи.
А мы вдвоём, а палуба пустая.
И пароход наш, словно в забытьи,
Идёт, почти что ветви задевая.*

*И нам с тобой казалось, что готов
Он к ближнему обрыву привалиться,
Чтоб громче трели сыпали с кустов
На палубу неистовые птицы...*

.....

– С какой теплотой в сердце написано, – прошептал я, наклонившись к Владимиру Васильевичу и показывая страницу книги. – И посвящено, наверное, первой любви?..

– Жене, – перебив меня, с удовольствием и, как мне показалось, гордо-радостно пояснил Владимир Васильевич.

Вообще мы по-доброму, уважительно относились друг к другу всё время нашего знакомства. И книги свои, начиная с «Одна единственная жизнь» В.В. Половинкин дарил мне с неизменно уважительными надписями, например, с такими: «Валерию Сдобнякову – дружески, с признательностью за поддержку, с пожеланием новых книг, новых удач. 31.3.2006 г.»

Действительно, я был его сторонник, хотя и осознавал, что работа в современных условиях требует от Союза писателей иного подхода, более энергичных решений. Этими мыслями я делился с Владимиром Васильевичем, но не в его силах было изменить сложившуюся ситуацию. В итоге в среде местных литераторов всё-таки произошло что-то наподобие бунта. Половинкин не стал за себя бороться и покинул кресло председателя правления областной писательской организации.

Помню и как отмечали его последний юбилей. В заключительном слове, после всех поздравлений, прежде чем прочитать приготовленные к этому случаю стихи, Владимир Васильевич высказал удивление, что столько людей пришли его поздравить.

– Когда мне предложили провести юбилейный вечер, я поначалу отказался. Думал – да кто ко мне придёт. Но на удивление пришло так много людей и сказали мне так много добрых слов, что я всем вам очень благодарен.

И прочитал стихотворение «Доброта».

*Был небосвод безоблачно высок,
Был чистый снег в лучах заката розов,
Когда она упала*

на мешок

*на самодельных ивовых полозьях.
А рядом или такие ж, как она,
И волокли такую же картошку.
А полустанок – там...*

Уже видна

*По окна занесённая сторожка.
Как мёртвые, свисали кисти рук.
И, глядя в опрокинутое небо,
Она с собою говорила вслух:
«Нет, я уйду...*

Мне лишь кусочек хлеба...»

Был голос тих.

Но был он словно крик,

Такой, что невозможно заслониться.

*И подошёл к той женщине старик,
И развернул он белую тряпицу.*

Был хлеб в тряпице серый, как зола,

Два ломтика, любой, как Божья милость.

Один, поменьше, женщина взяла.

И поднялась.

И молча поклонилась.

*...Порую слышу, что года не те.
И значит, мера многому иная.
Но если говорят о доброте,
Я хлеб в тряпице белой вспоминаю.*

Половинкин читал негромко, ослабшим, поддрагивающим голосом. Для моего слуха это было непривычно. Затем он прочитал другие стихи из книги «От истоков до устья» – «Однажды осенью», «На вокзале», «Элефант», «Обращение к волгарям», «Цветёт сирень во Франции», «Горит огонь», «Односельчане», «Учителям». Откуда я знаю, что именно эти стихи? Как я смог запомнить все названия? А я их не запоминал. Поэт, прочитав своё, так уж получилось, поэтическое завещание нам, подарил мне в этот вечер именно тот двухтомник, в котором не только в оглавлении карандашом были отмечены названия стихотворений, что он собирался прочитать, но и остался вложенным листок с перечнем тех произведений, которые он всё-таки окончательно выбрал. Небольшой листочек, исписанный знакомым почерком. Вот только рука потеряла свою крепость, твёрдость, уверенность. Но я берегу и этот листок, хранящий тепло рук Владимира Васильевича, и подаренные книги.

Надо сказать, что по своему мировоззрению Половинкин был человеком материалистических убеждений, твёрдым атеистом. Мы осторожно в разговорах касались этой темы, особенно в неё не углубляясь и не навязывая друг другу своих взглядов. Но сердце у него было добрым, совестливым и сострадающим. (Сейчас вспомнился мне рассказ Владимира Васильевича, как он отвозил своего пса в деревню, чтобы тот, пока они с семьёй отдыхают на море, пожил у знакомых. Первый раз пёс тосковал по хозяину, но перенёс разлуку. Когда же его попытались подобным образом оставить второй раз, сердце пса не выдержало, разорвалось от предстоящей разлуки, и он умер прямо в автобусе. Это каким же надо быть добрым хозяином, чтобы тебя так, до смерти, любила твоя собака?) Да и вырос он на русской земле среди русских людей. Потому вера предков, видимо, всё-таки от его сердца была недалеко.

Когда случилось непоправимое, мы пришли проводить Владимира Васильевича в последний путь. Выйдя из квартиры, я остановился у подъезда, из которого вынесли надмогильный православный крест.

– Уж какими бываем атеистами, а приходит срок, и в землю ложимся под православными крестами, – со вздохом сказал я ни к кому не обращаясь, больше себе самому.

– Нет, это не так. – Осторожно поправила меня стоявшая рядом женщина. – В конце жизни Владимир Васильевич бывал в церкви, ставил поминальные свечи.

– Ну и слава Богу, – вырвалось у меня.

И на сердце потеплело.

Уже много времени спустя, в книге «За летом уходящим», я прочитал стихотворение, на которое сначала не обратил внимание, но теперь хочу им закончить своё слово в память о поэте. Стихотворение называется «Бабкина молитва» и посвящено оно памяти митрополита Николая (Кутепова).

*Двоюродный брат посасывает рядом,
С другого края кошка льнёт ко мне.
Ещё темно. И лишь лучи лампы
Полосками мерцают на стене.
И мне опять нырнуть бы без оглядки
В мальчишечьи безоблачные сны,
Но слышу шепелявый шёпот бабки
У той, из мрака выплывшей стены:
Чтоб не оставил Бог без урожая,
От мора и пожара оградил...*

*Я жду.
Я все молитвы бабки знаю,
И главная молитва впереди.
Услышу вновь её, и это значит,
Что буду тоже ограждён от бед.
Вот бабка помянула, тихо плача
Оставивших навеки белый свет.
Теперь к живым!
Отец мой самый первый:
Чтоб вышел из тюрьмы, чтоб мать ждала.
А дальше бабка спуталась, наверно, –
Забыв меня, братишку назвала.
Я вмиг простил: родня-то ведь большая –
Ну как не сбиться старой и больной.
И тут – нет, нет, ничего не понимаю –
Склонилась бабка низко надо мной.
Я вижу, вижу, как при солнце, чётко
Морщины её доброго лица.
И снова плачет:
«Стал стареть внучёк-то!
А я молю, как прежде за мальчика».*

Так цельно, как и должно было быть, завершился жизненный путь достойного русского человека – учёного и поэта.

Январь, 2016 г.